

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ЗАКОННОСТЬ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Даниил ПЕШИЙ,

адъюнкт кафедры уголовного процесса
Национальной академии внутренних дел

Summary

Questions are investigated in the article, touching a concept, essence and types of responsibility for criminal judicial offences of subjects, providing legality in a pre-trial production. A conclusion is formulated that responsibility for criminal judicial offences of subjects, providing legality in a pre-trial production, is the measure of state compulsion, applied to the public servant on the basis of establishment in his act of composition of criminal judicial offence, expressed in application of penalty approvals of criminal, administrative, disciplinary character, with the purpose of providing of the proper order of criminal production. Specified on problem questions applications of disciplinary responsibility, that is constrained with the use of the distinguished unspecified approvals, that supposes the necessity of further researches with the purpose of their permission.

Key words: legality in a criminal production, criminal judicial offences, breaches of criminal judicial law, responsibility of subjects, providing legality in a pre-trial criminal production.

Аннотация

В статье исследуются вопросы, касающиеся понятия, сущности и видов ответственности за уголовно-процессуальные правонарушения субъектов, обеспечивающих законность в досудебном производстве. Формулируется вывод о том, что ответственность за уголовно-процессуальные правонарушения субъектов, обеспечивающих законность в досудебном производстве, является мерой государственного принуждения, применяемой к должностному лицу на основании установления в его деянии состава уголовно-процессуального правонарушения, выражающаяся в применении штрафных санкций уголовно-го, административного, дисциплинарного характера, с целью обеспечения надлежащего порядка уголовного производства. Указывается на проблемные вопросы применения дисциплинарной ответственности, которые связаны с применением выделенных неконкретизированных санкций, что предполагает необходимость дальнейших исследований с целью их разрешения.

Ключевые слова: законность в уголовном производстве, уголовно-процессуальные правонарушения, нарушения уголовного процессуального закона, ответственность субъектов, обеспечивающих законность в досудебном уголовном производстве.

Постановка проблемы. Законность является одним из основных, основополагающих принципов права. Обеспечение законности выступает важной составляющей деятельности государственных органов и должностных лиц, в том числе в сфере уголовного производства. Соблюдение законности в уголовно-процессуальной деятельности участников уголовного производства является одной из важнейших процессуальных гарантий.

Законность – это принцип, метод и режим строгого и неукоснительного соблюдения и выполнения всеми участниками общественных отношений норм права, установленных законами и подзаконными нормативными актами. Другими словами, законность – это и принцип, и режим, и правовой метод одновременно. С этим и связан многогранный характер содержания законности [1, с. 163–164].

Несмотря на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 9 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) во время уголовного производства

суд, следственный судья, прокурор, руководитель органа досудебного расследования, следователь, иные служебные лица органов государственной власти обязаны неукоснительно соблюдать требования Конституции Украины, УПК Украины, международных договоров, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, требования иных актов законодательства. Однако не все участники уголовного процесса, в частности сотрудники органов внутренних дел, не всегда в полной мере выполняют предписания закона. Так, по данным Генеральной прокуратуры Украины, в 2014 году органами прокуратуры всего рассмотрено 7783 представлений с применением мер по устранению нарушений закона в деятельности органов внутренних дел. Из них по фактам нарушений, допущенных при регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях – 1483, проведении досудебного расследования – 5023, применении незаконных методов досудебного расследования – 4. Привлече-

но к дисциплинарной ответственности 12 451 сотрудник органов внутренних дел, из них по фактам нарушений, допущенных при регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях – 3080, проведении досудебного расследования – 7273, в частности, применении незаконных методов досудебного расследования – 6. Сообщено о подозрении по направленным в суд уголовным производствам 198 сотрудникам органов внутренних дел, из них по фактам нарушений, допущенных при регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях – 2, проведении досудебного расследования – 22, применении незаконных методов досудебного расследования – 16 [2].

По данным судебной статистики, в период с 20 ноября 2012 года по 31 декабря 2013 года на рассмотрение следственных судей поступило почти 27 тыс. жалоб на решения, действия либо бездействие следователя в процессе досудебного расследования (из них удовлетворено 34,9%) и 9,2 тыс.

– на решения, действия либо бездействие прокурора в процессе досудебного расследования (из них удовлетворено 23,9%) [3]. В течение I полугодия 2014 года на рассмотрение местных судов поступило 21,4 тыс. жалоб на решения, действия либо бездействия следователя или прокурора в процессе досудебного расследования [4].

Такая ситуация, связанная с нарушениями законов в деятельности тех субъектов, которые сами призваны обеспечивать законность, вызывает тревогу в обществе, способствует формированию негативного отношения граждан к правоохранительным органам, снижает эффективность принимаемых ими решений.

При этом следует отметить, что с момента вступления в силу Уголовного процессуального кодекса Украины 2012 года и до настоящего времени не существует единой практики по привлечению субъектов, обеспечивающих законность в досудебном уголовном производстве, к юридической ответственности за нарушения требований уголовного процессуального закона. В связи с этим имеют место факты незаконного и необоснованного привлечения сотрудников органов досудебного расследования и других правоохранительных органов к уголовной ответственности с последующим прекращением уголовного производства либо вынесением оправдательного приговора.

Непонимание (неправильное понимание) сущности ответственности участников уголовного производства – должностных лиц, обеспечивающих законность в уголовном производстве, в частности в его досудебной части – влечет за собой объективное вменение (ответственность без вины), использование ошибочных, а иногда и неправых категорий, для определения составов правонарушений, компрометацию тех сотрудников, которые являются законопослушными.

До сегодняшнего дня значительная часть уголовно-процессуальных нарушений субъектов, обеспечивающих законность в досудебном производстве, определяется ведомственными нормативными актами, соответственно, отсутствует единый механизм возложения ответственности за их совершение и проведения профилактических мероприятий.

Эти обстоятельства свидетельствуют об актуальности вопросов, связанных с исследованием уголовно-процессуальных нарушений, допускаемых субъектами, обеспечивающими законность в досудебном производстве, а также ответственностью за их совершение.

Целью статьи является исследование понятия, сущности и видов ответственности за уголовно-процессуальные правонарушения субъектов, обеспечивающих законность в досудебном производстве.

Изложение основного материала.

Прежде всего следует отметить, что тема ответственности за уголовно-процессуальные нарушения в отечественной науке уголовного процесса является достаточно новой, хотя отдельные положения этого правового явления в большей либо меньшей степени исследовались в работах Ю.П. Аленина, Т.В. Варфоломеевой, Г.Н. Ветровой, В.И. Галагана, В.Г. Гончаренко, Ю.М. Грошевого, А.Я. Дубинского, П.С. Элькинд, З.Ф. Ковриги, В.Н. Кудрявцева, О.П. Кучинской, В.Т. Малярченко, И.Е. Марочкина, А.Р. Михайленко, М.М. Михеенко, В.В. Назарова, В.Т. Нора, С.Г. Олькова, Н.А. Погорецкого, Н.И. Сирого, С.Н. Смокова, М.С. Строговича, В.М. Тertyшника, Л.Д. Удаловой, В.Д. Чабанюка, Н.Е. Шумило и других.

Кроме того, тема юридической ответственности за деяния, представляющие собой уголовно-процессуальные правонарушения, исследовалась и в работах ученых других отраслей права, в частности уголовного, административного, теории управления и других.

Анализ работ перечисленных авторов свидетельствует о том, что, несмотря на наличие определенных разработок по теме уголовно-процессуальных правонарушений и ответственности должностных лиц органов досудебного расследования, прокуратуры за их совершение, много вопросов, прежде всего практического характера, остаются неразрешенными. При этом подавляющее большинство научных исследований проводилось в соответствии с уголовным процессуальным законодательством, которое на сегодня утратило законную силу и, соответственно, не учитывает проблемных вопросов его

применения в условиях действующего УПК Украины.

Рассмотрение вопросов ответственности за уголовно-процессуальные правонарушения субъектов, обеспечивающих законность в досудебном производстве, на наш взгляд, в первую очередь требует определенности в аспекте соотношения понятий нарушений законности и уголовно-процессуальных правонарушений.

В процессуальной литературе употребляются такие понятия, как «уголовно-процессуальное правонарушение», «нарушение уголовного процессуального закона (существенное и несущественное)», «незаконные действия и решения», «объективно противоправное деяние», «следственные и судебные ошибки» и другие.

Следует отметить, что, как правило, понятия «нарушение законности» и «уголовно-процессуальное правонарушение» отождествляются. В частности, М.С. Строгович указывал, что само понятие правонарушения не включает в качестве необходимого элемента вину в специфическом правовом значении этого слова (как отношение лица к своим действиям и их последствиям в форме умысла или неосторожности). Если действиями лица нарушен закон – это нарушение законности, нарушение права, то есть правонарушение [5, с. 194–195]. Все три понятия – противоправное поведение, правонарушение – являются равнозначными. Все они обозначают одно и то же явление: поведение, которое является общественно опасным, а потому и запрещенным нормами права [6, с. 191].

Безусловно, приведенные утверждения являются правильными по сути, однако не случайно в юридической науке понятие «правонарушение» имеет, так сказать, «особый статус», поскольку только при наличии правонарушения может быть поставлен вопрос об ответственности субъекта за совершенное им. Во всех других случаях юридическая ответственность невозможна, поскольку она возлагается только на виновное лицо. Сам же М.С. Строгович уточняет, что установление вины правонарушителя является необходимым тогда, когда решается вопрос о его ответственности за совершенное правонарушение [5, с. 194–195].

Действительно, если речь идет о общеупотребляемом, бытовом понимании правонарушения, его широкое определение возражений не вызывает, однако отраслевая определенность, точность специальных юридических понятий не допускает такого широкого толкования, поскольку любое правонарушение является нарушением законности, однако не любое нарушение законности является правонарушением [7, с. 4].

Правонарушение является более узким понятием, чем нарушение законности. Отсюда можно сделать вывод, что в правоприменительной практике недопустимым является использование понятия нарушения законности либо закона как синонима понятия правонарушения. В противном случае это приведет к нарушению прав, свобод и законных интересов тех лиц, вопрос ответственности которых таким образом будет решаться.

Так, в литературе описывается случай привлечения следователя к ответственности за то, что он не проверил все версии в процессе досудебного расследования. Возникает вопрос, предусмотрено ли законом такое правонарушение? Очевидно, что нет. Почему же состав несуществующего правонарушения получил реальное воплощение? Более того, наверное, сложно будет найти следователя, которому невозможно было бы инкриминировать такое правонарушение. Факт привлечения следователя к ответственности по такому основанию расценен автором как перекручивание правовых категорий, что привело к негативной трансформации правоотношений [4, с. 255].

Действующий УПК Украины содержит ст. 412 под названием «Существенные нарушения требований уголовного процессуального закона», в которой, однако, отсутствует понятие «нарушение уголовного процессуального закона». Речь идет только о том, что основанием для отмены либо изменения решения судом апелляционной инстанции является существенным нарушением требований уголовного процессуального закона, то есть такое нарушение требований УПК Украины, которое помешало (либо могло помешать) суду принять законное и обоснованное судебное решение.

В ч. 2 этой же статьи содержится перечень обстоятельств, при наличии которых судебное решение в любом случае подлежит отмене (всего 7 пунктов).

Исходя из содержания ст. 412 УПК Украины, выделяют два вида существенных нарушений уголовного процессуального закона: 1) существенные нарушения требований уголовного процессуального закона, которые тянут за собой отмену приговора (определения) – ч. 2 ст. 412 УПК Украины; 2) нарушения требований уголовного процессуального закона, существенность которых и достаточность для решения вопроса об отмене приговора определяется судом апелляционной инстанции и зависит от обстоятельств конкретного уголовного производства и характера нарушения [9, с. 743].

Анализ содержания ст. 412 УПК Украины, как и других статей УПК Украины, к сожалению, не дает ответа на вопрос о том, что считать нарушением требований уголовного процессуального закона вообще, какими должны быть правовые последствия их установления, является ли нарушением требований уголовного процессуального закона только нарушения требований УПК Украины (как это указано в ч. 1 ст. 412 УПК Украины) или и других источников уголовно-процессуального права Украины (в частности, Конституции Украины, международных договоров, согласие на обязательность которых дала Верховная Рада Украины, других законов Украины).

В свое время И.Л. Петрухин обосновал разделение мер уголовно-процессуального принуждения на три группы: 1) меры защиты правопорядка; 2) меры пресечения; 3) меры негативной (ретроспективной) юридической ответственности. При этом меры защиты, которые состоят в принудительном выполнении обязанности, признаются проявлением санкций уголовно-процессуального права, поскольку лицо не выполняет возложенную на него обязанность и вследствие этого к нему применяется санкция принудительного исполнения. В таком случае, как справедливо указывает автор, некорректно говорить об ответственности лица, поскольку ответственность характеризуется публичным осуждением и наказанием виновного в совершении

правонарушения, а в таких случаях отсутствует и осуждение, и наказание, не устанавливается вина, поэтому со всей уверенностью нельзя утверждать, что имело место правонарушение [10, с. 44–46].

Возникает вопрос, почему же в таком случае применяется санкция? Ведь она, как правило, применяется за совершение правонарушения. Как правило, но не всегда. Правовосстановительные санкции, в отличие от штрафных, преследуют цель не наказания виновного, а исправления ситуации, которая возникла в связи с нарушением правопорядка, независимо от установления вины правонарушителя. Принуждение, которое применяется к лицу в таких случаях – это реализация правосоставительных санкций. Они нейтрализуют принуждением отказ участника процесса от выполнения своей процессуальной обязанности [10, с. 46].

Оценка того или иного деяния субъекта уголовного производства с точки зрения наличия в его действиях уголовно-процессуального правонарушения как основания юридической ответственности лица, его допустившего, сегодня является достаточно сложной, принимая во внимание значительное количество тех уголовно-процессуальных правонарушений, которые устанавливаются на основе выделенных неконкретизированных санкций, то есть тех санкций, которые изолированы от диспозиции определенного в законе состава правонарушения и связываются фактически с любыми обстоятельствами по усмотрению субъекта правоприменения (субъекта применения санкции). На это обстоятельство еще в начале 90-х годов XX века обратил внимание С.Г. Ольков [7].

Таким образом, можно утверждать, что оценка деяний субъектов уголовного производства, обеспечивающих законность в досудебном производстве, с точки зрения наличия уголовно-процессуального правонарушения, что формируется по выделенным неконкретизированным санкциям, является неточной, в связи с тем, что диспозиция уголовно-процессуального правонарушения в таком случае формулируется произвольно по усмотрению должностного лица, имеющего право на применение выделенных неконкретизированных санкций. В таких

случаях отсутствует четкий перечень правонарушений, соответственно, отсутствуют и гарантии действия принципа презумпции невиновности при реализации, в частности, дисциплинарной ответственности за совершение уголовно-процессуальных правонарушений [11, с. 369].

Выводы. Как вывод следует отметить, что юридическую ответственность в целом и ответственность за совершение уголовно-процессуальных правонарушений в частности отличает не просто государственное реагирование, а лишь государственное реагирование на ненадлежащее исполнение норм права. Характерной чертой такого реагирования является его строгая законодательная регламентация. Для негативной юридической ответственности необходимым фактическим основанием является состав правонарушения (в частности, уголовно-процессуального). С учетом деления уголовно-процессуальных правонарушений на преступления и проступки юридическая ответственность за их совершение может быть уголовной, административной и дисциплинарной. Таким образом, ответственность за уголовно-процессуальные правонарушения субъектов, обеспечивающих законность в досудебном производстве, является мерой государственного принуждения, применяемой к должностному лицу на основании установления в его деянии состава уголовно-процессуального правонарушения, выражающаяся в применении штрафных санкций уголовного, административного, дисциплинарного характера, с целью обеспечения надлежащего порядка уголовного производства.

Наиболее простым является установление уголовной ответственности, поскольку ее меры (санкции), в том числе для субъектов уголовного производства, обеспечивающих законность в досудебном производстве, исчерпывающе определены уголовным законом. Наиболее часто применяемой, однако и наиболее проблемной, является применение дисциплинарной ответственности, которая наступает перед органами (должностными лицами), с которыми субъект, совершивший уголовно-процессуальное правонарушение, пребывает в отношениях подчинения. Значительное число проблемных вопросов

применения этого вида ответственности связано именно с применением выделенных неконкретизированных санкций, что предполагает необходимость дальнейших исследований с целью их разрешения.

Список использованной литературы:

1. Пеший Д.А. Законність як політико-правовий режим і засада кримінального провадження / Д.А. Пеший // Проблемні питання застосування КПК України в сучасних умовах : матеріали круглого столу (м. Київ, 4 квітня 2014 року). – К. : ФОП Ліпкан О.С., 2014. – С. 163–166.

2. Звіт про роботу прокурора за 12 місяців 2014 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.gp.gov.ua/ua/stst2011.html?dir_id=111479&libid=100820&c=edit&c=fo.

3. Огляд даних судової статистики щодо застосування окремих норм Кримінального процесуального кодексу України (КПК) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://sc.gov.ua/ua/sudova_statistika.html.

4. Аналіз даних судової статистики щодо розгляду справ і матеріалів місцевими загальними судами, апеляційними судами областей та міста Києва за I півріччя 2014 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://sc.gov.ua/ua/sudova_statistika.html.

5. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности / М.С. Строгович. – М. : Наука, 1966. – 252 с.

6. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.

7. Ольков С.Г. Типичные уголовно-процессуальные правонарушения конституционных прав граждан и проблемы их предупреждения (по материалам следственных органов МВД СССР) : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / С.Г. Ольков ; Академия МВД СССР. – М., 1991. – 208 с.

8. Беккер Д.М. Уголовно-процессуальные правонарушения: сущность и виды / Д.М. Беккер // Актуальные проблемы правоведения. – 2004. – № 3. – С. 255–258.

9. Кримінальний процесуальний кодекс України : науково-практичний

коментар / відп. ред. С.В. Ківалов, С.М. Міщенко, В.Ю. Захарченко. – Х. : Одісей, 2013. – 1104 с.

10. Петрухин И.Л. Меры защиты правопорядка в уголовном процессе / И.Л. Петрухин // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. – М. : Институт государства и права АН СССР, 1985. – С. 44–52.

11. Пеший Д.А. Порушення законності у кримінальному провадженні та кримінально-процесуальні правопорушення / Д.А. Пеший // Модернізація Конституції України та вдосконалення правоохоронної діяльності : матеріали підсумкової науково-практичної конференції (м. Київ, 25 квітня 2014 року). – К. : Видавництво «Ліра-К», 2014. – С. 366–369.